ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ II:

МЕДВЕЖЬЕ ОЗЕРО

ЦИКЛ «ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ»:

Хозяйка старого дома

Ночной смотритель

Пробуждение куклы

Тот, кто живет в колодце

Человек за черной дверью

Смотрящая в окно

ЦИКЛ «ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ II: МЕДВЕЖЬЕ ОЗЕРО»:

Тринадцатая запись

Украденный ключ

Джутовая маска

Тихие шаги

Пустые зеркала

Последняя легенда

Лена Обухова

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕГЕНДА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Оформление серии *Александра Андреева*

Иллюстрация на переплете *Натальи Афанасьевой*

Обухова, Елена Александровна.
О-26 Последняя легенда / Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-236111-1

Открыв гостиницу на Медвежьем озере, Юля Федорова и не подозревала, что ее умело подвели к этому решению, подсунув почти достроенное здание с заготовленными загадками и ловушками, чтобы добраться до ее мужа Влада. Теперь таинственный кукловод удерживает их обоих на озере, готовясь пробудить последнюю городскую легенду, которая поможет ему добиться своего. Кто же этот человек? Чего он хочет? И на что готов ради этого пойти?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-236111-1

© Обухова Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

18 августа, среда
Коттеджный поселок «Загорский Life»

В запертом на замок просторном кабинете большого загородного особняка было тихо и темно. Оба окна закрывали плотные шторы, через которые не просачивались даже солнечные лучи, не то что призрачный свет фонарей, зажегшихся на участке после заката. Хозяин дома дремал, сидя прямо в кресле за столом, на котором перед ним стояли полупустая бутылка коньяка и одинокий бокал. Закуски не было, поскольку в небольшом баре, откуда несколько часов назад была извлечена бутылка, ничего съестного отродясь не хранилось.

В противоположном от входа конце комнаты имелась еще одна неприметная дверь, которая вела в маленький санузел. Сейчас ее ручку подпирал массивный стул, обычно стоявший у стены. На стене громко тикали часы, но пьяный сон мужчины это не нарушало. После бессонной ночи и на голодный желудок — с прошлого дня ему кусок в горло не лез — коньяк подействовал как сильнейшее снотворное.

Однако, когда стул, подпиравший дверь, с грохотом рухнул на пол, мужчина все же вздрогнул, просыпаясь, резко вскочил на ноги и тут же замер, ошалело глядя на приоткрывшуюся дверь санузла. Через образовавшуюся щель в темноту комнаты лился яркий свет, но не доносилось ни звука. Там внутри никого не было, не могло быть, но все же хозяин дома напряженно смо-

трел на дверь, позорно потея и боясь пошевелиться или слишком громко вздохнуть, как будто ждал, что сейчас петли тихонько скрипнут, впуская в кабинет чудовище, жаждущее его крови.

Всю свою сознательную жизнь Петр Котов причислял себя к людям, которые не боятся ни бога ни черта. Он всегда знал, чего хочет, и был готов сделать все необходимое, чтобы это получить. Его никогда не пугала перспектива замарать руки, и за пятьдесят семь лет жизни не раз пришлось это сделать, но он никогда ни о чем не жалел. Вероятно, потому, что ни разу не был призван за содеянное к ответу.

Он много лет жил на широкую ногу. Вырвался из нищеты, когда большая часть страны в нее как раз рухнула, но главное — сумел сохранить и приумножить полученное. Ничего в этой жизни не далось ему легко, за все пришлось побороться, даже за девушку, ставшую в итоге его женой, поэтому все нажитое Петр очень ценил и не собирался никому отдавать. В мире хватало желающих урвать чужое, но он видел их издалека и давил еще на подходе, не давая ни единого шанса приблизиться к себе. Пару раз даже снова пришлось побороться за жену, чтобы она осталась при нем. Петр ее давно не любил, но считал, что брак — это единожды и навсегда. Ей пришлось принять это.

Ему все и всегда удавалось контролировать. Казалось, так и будет, но потом на пороге его дома появились те полицейские. «На пороге» — это, конечно, громко сказано, скорее, у калитки, дальше их не пропустила охрана, но этого оказалось достаточно, чтобы выбить его из колеи.

До того момента Петр искренне считал, что тема трагической гибели его младшего брата давно похоронена и забыта, о нем уже много лет никто не спрашивал. Он

и сам почти забыл, что у него когда-то был брат. И тут вдруг кто-то о нем вспомнил и начал расспрашивать о том происшествии. Как гром среди ясного неба, как снег на голову летом...

Нет, Петр не боялся обвинений. Прекрасно знал, что прошло слишком много лет, чтобы кто-то смог что-то доказать. А при хороших адвокатах, которых он теперь легко мог себе позволить, его даже на допрос никто не рискнет лишний раз вызвать. И все же он полагал, что те полицейские придут снова и продолжат задавать неудобные вопросы. Даже решил для себя, что не станет вновь прятаться за высоким забором, а поговорит с ними, посмотрит им в глаза. И обязательно осторожно покуражится, дав понять, что они правы в своих подозрениях. Правы, но бессильны.

Однако время шло, а полицейские все не возвращались. То ли решили, что это не имеет смысла, то ли ничего такого и не подозревали, а ответы на интересовавшие их вопросы нашли как-то иначе. Петр не знал наверняка, но постепенно успокоился и перестал их ждать.

А потом они появились снова. Недели две назад, почти через месяц после первого визита. Правда, на этот раз не с вопросами, а с предостережением. О личной встрече просить не стали, просто передали через охранников, что, по имеющейся у них информации, ему грозит смертельная опасность.

— Единственный шанс спастись — это прийти к нам с признанием и сесть в тюрьму, — довольно холодно добавил один из них. — Там, вероятно, господин Котов будет в безопасности.

Столь грубая и бестолковая попытка развести его на чистосердечное показалась Петру оскорбительной. Они его за идиота держат? Думают, что его так легко

запугать? Что он побежит, роняя тапки, признаваться во всех грехах? Вот еще!

Но, видать, второй их визит все-таки вновь нарушил что-то в его душевном равновесии, поскольку с того дня ему стало мерещиться всякое.

Впервые это случилось в машине. Петр предпочитал водить самостоятельно, поэтому охрана всегда ездила отдельно. Когда он стоял в пробке по дороге в офис, ему вдруг показалось, что через зеркало он увидел кого-то на заднем сиденье. Однако, обернувшись, Петр никого не обнаружил.

Он тогда решил, что ему привиделось на почве стресса. Просто игра света, тени и воспаленного воображения. Но на следующий день история повторилась, только уже в туалетной комнате его офиса: он мыл руки, когда вдруг заметил в зеркальном отражении кого-то у себя за спиной. И вновь там никого не оказалось.

С тех пор это повторялось регулярно везде, куда бы он ни пошел и где были зеркала. Точнее, везде, где ему доводилось бросить на них мимолетный взгляд. Только тогда удавалось кого-то заметить, но стоило всмотреться — фигура пропадала.

Петр никому об этом не рассказывал. Просто начал ездить на заднем сиденье в сопровождении водителя и телохранителя. Усилил охрану дома и стал реже из него выходить. У него начались проблемы со сном и нервами, из-за чего он чаще, чем раньше, срывался на жену и любовницу. В итоге первая уехала на пятидневный курс детокса, а вторая заявила, что не хочет его видеть, пока он не придет в себя. Петр мысленно послал ко всем чертям обеих.

Идти с повинной в полицию он по-прежнему не торопился, поскольку все еще не верил, что его жизни что-то угрожает. Хотя человек, которого он теперь ре-

гулярно видел в отражении, похлопывал себя по бедру лезвием крупного ножа и кровожадно улыбался, глядя на него, Петр сомневался, что он сможет причинить ему реальный вред.

Ведь этим человеком был его давно погибший брат. Петр не сразу узнал его. Возможно, просто не хотел самому себе признаваться в том, кого видит. Павел казался все таким же, как и почти тридцать лет назад: молодым и бестолковым. И, безусловно, являлся плодом его воображения, результатом потревоженной совести.

Забавно, но чего-то подобного Петр опасался в самом начале, когда только решился на убийство. Думал, совесть еще долго не даст ему покоя, а мертвый Павел будет мерещиться на каждом шагу. Однако на деле оказалось, что с совестью гораздо легче договориться, чем он полагал, а уж когда в его собственность перешел дедов дом вместе с припрятанным в нем десятилетия назад кладом, Петр и вовсе думать забыл о том, что сделал.

А теперь вот вспомнил и никак не мог прогнать пугающий образ из головы. Видимо, возраст все же сказывается. Говорят, чем ближе человек подходит к финальной черте, тем сильнее боится собственных грехов, а точнее, того, что с него все-таки за них спросят.

Что все может быть гораздо серьезнее, Петр заподозрил только накануне, когда впервые не только увидел брата в отражении, но и почувствовал — его у себя за спиной, а потом резкую боль на щеке. На том месте остался неглубокий, но все же весьма неприятный порез.

Это уже выходило за рамки его понимания. Ему, конечно, доводилось слышать, что всем управляет мозг и на теле может остаться вполне себе реальный ожог, если человек убежден, что холодный металл, который к нему прижимают, на самом деле раскален. Но он не

верил в такое. Фантазии — это одно, реальность — другое, эти параллельные прямые не пересекаются.

Объяснить природу появившегося на щеке пореза Петр не мог, а потому лишился сна и аппетита. Он чувствовал, как страх все сильнее заползает в душу, охватывая все его существо и сковывая мысли и движения.

А ну как те менты сказали правду и ему действительно грозит смертельная опасность? Что, если Павел и правда спустя много лет пришел по его душу? Вот только тогда ни признание, ни тюрьма ему не помогут...

Сегодня, вновь заметив брата в отражении и почувствовав спиной холод его присутствия в санузле, примыкающем к кабинету, Петр психанул и решил напиться. Он очень устал бояться, устал пытаться понять, что происходит, почему и как из этого выбраться.

По его разумению, в кабинете было безопасно: зеркал нет, а входную дверь можно запереть. Вот только дверь в санузел запиралась лишь изнутри, поэтому и пришлось воспользоваться стулом. Тем самым, который теперь валялся в паре метров от приоткрытой двери.

Петр смотрел на нее, стараясь дышать как можно тише и невольно прислушиваясь к мерному тиканью часов. Дверь не шевелилась, за ней было тихо, а заглянуть в санузел через появившуюся щель он не мог. Неимоверным усилием воли Петр заставил себя выйти из-за стола и дойти то того места, с которого маленькое, залитое светом помещение будет хорошо просматриваться.

Часы, казалось, тикали все громче, но, должно быть, просто нервы натягивались в струну. И струна эта лопнула, когда Петр наконец встал так, чтобы видеть все небольшое пространство. Он заметил движение, но быстро понял, что просто поймал собственное отражение в зеркале, и резко выдохнул. В санузле никого не было.

Петр распахнул дверь шире, перешагнул порог и подошел к зеркалу. Посмотрел на прилепленный к щеке пластырь, потрогал его рукой. Порез не болел. Тогда он осторожно отодрал пластырь и обнаружил, что на покрытой щетиной коже нет и царапины.

Его вдруг осенило: никакого пореза и не было, это тоже галлюцинация! Только такое уже вряд ли можно списать на внезапно проснувшиеся муки совести. Может, менты подговорили кого-нибудь из персонала или даже охраны, чтобы его подкармливали какими-то веществами? Чтобы выбить из него признание!

Мысль выглядела вполне логичной. Сначала они пришли на разговор, сразу поняли, что голыми руками его не возьмешь, — вот они и решили зайти с другой стороны. Вряд ли дали денег. Откуда у них деньги? Но могли нарыть на кого-нибудь компромат или подставить. Наркотики, например, подбросить, им это раз плюнуть... А потом, когда завербовали в его окружении того, кто будет его травить, пришли со своими предупреждениями, чтобы глючило его в нужном направлении.

Вот же сволочи!

Но ничего, теперь, когда он смекнул, что происходит, ему ничего не стоит вывести их на чистую воду. И снять с них погоны!

Испытав неимоверное облегчение, Петр крутанул вентили и наклонился над раковиной, чтобы умыться. Ему хотелось побыстрее протрезветь, чтобы спланировать ответный удар. Да такой, чтобы в этой гнилой конторе его навсегда запомнили! За шумом воды он не услышал, как тикавшие в кабинете часы вдруг замолчали, а все три стрелки замерли.

Снова выпрямившись, Петр непроизвольно дернулся. Вместо отражения из зеркала на него смотрело блед-

ное лицо брата. В кои-то веки тот не кривил губы в зловещей улыбке, выглядел хмурым и сосредоточенным. Немного напряженным и самую малость — испуганным. Совсем как в тот вечер.

На мгновение Петр провалился в воспоминание. Темная комната, свечи, его брат — еще совсем мальчишка — стоит у зеркала, всматривается в него и задает вопрос, наивно полагая, что темная фигура в отражении — это дух их почившего деда. Петр вспомнил свой рывок, как его рука сомкнулась поверх руки брата, а вторая сжала его в смертельном объятии. Одно резкое движение острого как бритва ножа — и кровь хлынула из разрезанного горла.

Павел пришел в движение, и Петр вернулся в реальность. Словно во сне, он безучастно наблюдал за тем, как брат в зеркале поднял руку с зажатым в ней ножом и полоснул себя по горлу. Петр только сдавленно охнул, почувствовав, как обожгло огнем горло. Он прижал к нему руку, ощутил пальцами теплую вязкую жидкость.

Кровь хлынула в раковину, Петр рухнул на пол, а Павел в зеркале наконец снова плотоядно улыбнулся. А потом повернулся и пошел прочь.

Глава 1

19 августа, четверг
Медвежье озеро

Время от времени Карпатский умудрялся проснуться за пару минут до срабатывания будильника. Вот и сегодня из мутного, вязкого, утомительного сна, подозрительно похожего на кошмар, он вынырнул до того, как раздался противный звук. Правда, поначалу даже шелохнуться не мог, зато услышал, как щелкнул замок ванной комнаты и открылась дверь. А может быть, именно эти звуки его и разбудили. Значит, Диана уже проснулась и встала.

Почти бесшумно она подошла к кровати и, кажется, взяла в руки его смартфон. Карпатский не был уверен на сто процентов, поскольку продолжал лежать лицом в подушку с закрытыми глазами, но удивился: что она хочет с ним сделать, если аппарат запаролен?

В груди успело неприятно заскрести от мысли, что Диана может за ним шпионить или что-то в таком духе, но в следующее мгновение смартфон попытался включить сигнал будильника, а Диана проворно сбросила его. Вернув аппарат на тумбочку, она присела рядом с кроватью, наклонилась к Карпатскому и нежно поцеловала в щеку.

— Пора вставать, — почти пропела она тихонько и погладила его по волосам.

Это была его любимая побудка, которая в последние полтора месяца случалась с завидной регулярностью.

Просто обычно Диана целовала его или минут за пять до будильника, или уже после того, как сигнал прозвучит. От сердца сразу отлегло, и Карпатскому даже стало немного стыдно за успевшие промелькнуть мысли. С чего вообще они возникли? Похоже, дело было в горьком послевкусии, оставшемся от сна, сюжета которого Карпатский уже не помнил. Но о его возможном сюжете, как и о причинах, догадывался. В эти дни года ему часто снились кошмары.

Он зашевелился, давая понять, что проснулся, и Диана сразу выпрямилась. Перекатившись на спину и приоткрыв глаза, Карпатский выяснил, что она не только уже встала, но и успела привести себя в порядок, облачившись по случаю продолжавшейся летней жары в шорты и майку, раздвинуть шторы и приоткрыть окно, впуская в гостиничный номер солнечный свет, свежий воздух и щебетание птиц. Не торопясь встать, он с улыбкой наблюдал за тем, как Диана с ворохом одежды — его, кстати, одежды — подошла к креслу, стоявшему у письменного стола, и принялась вешать на его спинку футболку, рубашку и джинсы, которые ночью, по всей видимости, так и остались лежать на полу.

Карпатский наблюдал и любовался ею. Юная, яркая, красивая, спортивная, хоть и самую малость худощавая на его вкус, Диана всегда была усладой для глаз, но нравилась ему не только этим.

Она вдруг тихо ойкнула, посмотрела себе под ноги и за чем-то наклонилась. Видимо, что-то выпало из кармана его джинсов, когда она повесила их. Как оказалось, это было удостоверение. Раскрыв его, Диана неожиданно рассмеялась.

— Что смешного ты там нашла? — поинтересовался Карпатский. Голос со сна, как всегда, был шершавым,

а потому звучал немного резко и грубо. К счастью, она к этому уже привыкла и не обращала внимания.

— Да вот, смотрю на твою фотку, — объяснила Диана, плюхаясь на кровать рядом с ним и откидываясь на подушку так, что ее голова оказалась рядом с его плечом. — Ты здесь такой забавный...

Брови Карпатского удивленно дернулись вверх. Что забавного можно усмотреть на официальном фото служебного удостоверения оперуполномоченного? Он перехватил корочку из ее рук, внимательно изучил и пожал плечами.

— Да вроде обычный. Разве что немного моложе. Фотографировался, когда только получил майора.

— Ты очень серьезный, — с улыбкой заявила она и потерлась носом о его плечо. — И какой-то грозный.

— Просто я в форме.

— Вот именно. Я никогда прежде не видела тебя в форме.

— Ты ничего не потеряла, — вздохнул Карпатский, убирая удостоверение на прикроватную тумбочку и чувствуя, как в груди неприятно тянет.

Впрочем, разве может быть иначе? Да, погода стоит прекрасная, рядом с ним чудесная девушка и, хотя он немного не выспался, всерьез ничего не болит, даже относительно свежий шрам уже какое-то время не беспокоит и без обезболивающих, а на службе проблем не больше, чем обычно, но это все еще ничего не меняет. Как и почти одиннадцать лет, прошедших со случившейся в его семье трагедии.

— Не скажи, — отозвалась Диана, скользя рукой по его груди. Она придвинулась ближе и снова коснулась губами его щеки. — Тебе очень идет форма.

— Всем мужчинам идет форма.